УДК 101.2; 130.2; 211

НАДО ЛИ УЧИТЬ КРЕАЦИОНИЗМУ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЗАПАДНОМ ОПЫТЕ
Часть вторая*

Шрейбер Виктор Константинович,
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: shreiber@csu.ru

Аннотация
Эта часть начинается с обсуждения полемики «Новых атеистов» с приверженцами эволюционного креационизма, окопавшимся, в частности, в Фарадеевском институте науки и религии. Дальнейшая экспликация позиций приводит к заключению об односторонности мнения, что противоречий между наукой и религией не существует. Тем не менее, религиозные воззрения демонстрируют высокую степень жизнестойкости. Для прояснения такого положения дел автор обращается к анализу структуры мировоззрения и эксплицирует связь между религиозной картиной мира и авторитарным способом обоснования ценностей. Поскольку эта зависимость выводит дискуссию за пределы обсуждения истинностного значения креационизма, предложение представляется нецелесообразным.

Ключевые понятия:
«Новые атеисты», креационизм, мировоззрение, ценности, авторитет.

4. Ещё одна вариация, или «Новые атеисты» и их критики.

Идущее от Абеляра убеждение в приоритете «человеческих доводов» над буквой писания, унаследованное позитивизмом и Венским кружком, сегодня воплотилось в движении «Новые атеисты» и творчестве их лидера Ричарда Докинза. В *Эгоистическом гене* (1976) и *Слепом часовщике* (1986) он разворачивает критику идеи, что органический мир слишком сложен, чтобы появиться случайным образом. Проблему, перед которой спасовали энциклопедисты, очень доходчиво выразил Кант: «...можно с помощью механики объяснить устройство всего мироздания, но как на основе механики точно выяснить возникновение одной только гусеницы?» Отсюда вроде бы вытекало, что мир был спроектирован – подобно тому, как наблюдение за работой часов ведёт к выводу о существовании часовщика, их создавшего. Слепой часовщик, поясняет Докинз, – это метафора нарастающего естественного отбора; он слеп и потому не видит ничего впереди и не ставит цели. Смысл метафоры: нам не нужно постулировать Проектировщика, чтобы понять возникновение жизни.

События осени 2001 вынесли этолога и популяризатора науки Докинза из академической заводи на перекаты идеологии. Перед 9/11 он говорил, что религия может стать «безобидной бессмыслицей». Уничтожение Всемирного торгового центра показало, что она может быть «смертельно опасной бессмыслицей». Это убеждение легло в основу деятельности группы атеистически настроенных писателей, получивших название «Новые атеисты». Символ веры «Новых атеистов» звучит так: «...религию не только не следует терпеть, но ей надо противодействовать, критиковать и разоблачать с помощью рациональных аргументов, где бы ни проявлялось её влияние». За эту бескомпромиссность их ещё называют «воинствующими». Начало движению положила публикация в 2004 Сэмом Харрисом памфлета «*Конец веры: религия, террор и будущее разума*». Вину за разрушение башен-близнецов Харрис возлагает на ислам, параллельно критикуя христианство и иудаизм [4].

Другой заметный атеист, медик и в 1997–2010 гг. член парламентской комиссии по науке, Эван Харрис, считает, что для науки угроза религиозного экстремизма отнюдь не самое главное. Ученые гораздо чаще сталкиваются с давлением религиозно-

* Часть 1 опубликована в журнале «Социум и власть». 2015. № 3. С. 135–139.

го лобби. Оно проявляется в очень широких политических рамках – от запрета финансирования исследований стволовых клеток до отказа участвовать в программах бесплатной раздачи презервативов, чтобы бороться со СПИДом в Африке. Так при Буше ученые, финансировавшиеся из федеральных источников, не могли ездить на конференции без демонстрации верности консервативным взглядам [9].

«Новые атеисты» задели за живое и вызвали поток откликов клерикальных авторов, обвиняющих Докинза *et al.* в поверхностности и незнании исторического материала [8]. На публикации «Новых атеистов» откликнулась даже РПЦ [5]. С другой стороны, они побудили евангелические структуры вспомнить о своем прошлом организационном опыте, позволявшем обеспечивать контроль над образованием и духовной атмосферой Европы в Средние века.

Таким квазиновым образованием стал Фарадеевский институт науки и религии. Он базируется в Кембриджском университете, и возник в 2006 благодаря гранту от фонда Темплтона как междисциплинарный центр по изучению взаимоотношений между религией и наукой. Наряду с исследованиями он предлагает более трёхсот курсов по научной и религиозной тематике. Они открыты для старшекурсников и выпускников любого университета мира и любого вероисповедания – и без оного. «Сирым и убогим» из третьего мира обещают скидки и стипендии. Повторяя практику средневековых *квидлибетов,* институт инициирует дискуссии более широкого плана. Так, в 2011 проведены обсуждения проблем современного образования, а также возможностей устойчивого развития в кризисной ситуации.

Сегодня во главе Института стоит Роберт Уайт, который сменил на этом посту Дениса Александера, известного биолога, неоднократно выступавшего в национальных и международных массмедиа. Сотрудниками института, – как правило, это маститые специалисты – опубликован ряд «фарадеевских» статей по различным аспектам науки и религиозной веры. Они доступны on-line на многих, в том числе русском, языках. По результатам симпозиума «Социальные, политические и религиозные трансформации биологии» (сентябрь 2007) подготовлена монография «Биология и идеология – от Декарта до Докинза» [6]. Руководство института надеется, что подобные мероприятия приведут к «полной переоценке исторической литературы о взаимоотношениях между наукой и религией».

Но подход достаточно специфичен. Начав свою деятельность с симпозиума о Дарвине (в 2007 прошел юбилей «Происхождения видов»), руководство устами Александера заявило, что ученые и учителя стоят перед «тяжелой задачей устранить идеологические вкрапления из дарвиновской теории» и представить эволюцию «*просто как очаровательно хорошее объяснение»* возникновения биологического разнообразия. Деидеологизация науки – дело хорошее. Однако если дарвинизм – это только «очаровательная» ментальная конструкция, то его истинностный статус существенным образом колеблется и подлинным выражением отношений между ним и идеей творения становится не томистская гармония даже, а принцип Кентерберийского: «надо верить, чтобы знать».

Таким образом, нередко высказываемое в наших СМИ и даже в ученой среде мнение, что «религия и наука никоим образом не соперники и ни в какие противоречия не вступают», на поверку оказывается однобоким. Взгляд на прошлое и нынешнее состояние дел в духовной сфере обнаруживает высокую степень диверсификации идейных позиций. В культуре остаются задействованными все логически возможные отношения между религиозной верой и научной рациональностью. В одних ситуациях доминирует одна позиция, в других – другая. Причем ни одна из них не исчезает совсем, но как бы отходит на задний план с тем, чтобы потом в новом обличье и с новым блеском выйти на авансцену и приковать внимание публики.

Похоже, что дальнейшее продвижение к причинам этих пертурбаций требует анализа среднего звена между прагматическими соображениями и логической трактовкой отношения веры (креационизма) и знания (теории эволюции). На мой взгляд, этим посредником является структура мировоззрения.

5. Второе интермеццо, или Структура мировоззрения

Здесь важно разграничить онтологический и гносеологический аспекты мировоззрения.

Одно дело – это то, как существует мировоззренчески значимая информация; другое – то, какие стороны нашей жизни нашли в ней свое выражение. Вполне естественно предполагать, что одни и те же значимые в мировоззренческом плане вещи в разных мировоззрениях могут отображаться по-разному. Вопрос «как существует мировоззре-

ние?» требует анализа субъективных форм, в которых фиксируется мировоззренческая информация. Напротив, вопрос о содержательной стороне мировоззренческих представлений ведет к поиску соответствующих *создателей истины* или *truth makers*. Отсюда можно заключить, что в гносеологическом плане, то есть в плане объекта отражения и, пожалуй, по своей роли в человеческой жизни все типы мировоззрений по существу совпадают. Они фиксируют одну и ту же жизненную ситуацию или, точнее, один и тот же повторяющийся каркас жизненных ситуаций.

Гносеологические блоки мировоззрения обозначены М.С. Козловой. Она выделила картину мира, программы поведения и ценностные представления (или ценности). Но Мария Семеновна не ответила на вопрос, а чем они собственно объединяются? Будем полагать, что эти три части мировоззрения – все вместе репрезентируют ситуацию принятия решения.

Очевидно, что всякая такая ситуация включает варианты возможного хода дел, условия их реализации, в той или иной мере недостаточные, и критерий (или критерии) выбора, который превращает возможную альтернативу в желаемую. Помимо фиксации повторяющихся и устойчивых моментов «жизненного мира» (ведь без повторений мир не может даже переживаться), картина мира должна разграничить то, что в данных условиях возможно, и то, что лишь «прикидывается» возможностью. Поскольку решение этой задачи требует апелляции к каузальному механизму, картины различаются моделями (или схемами) объяснения. Таким образом, картина мира помогает выделить возможные направления развития событий.

Однако знать, *что* возможно, ещё не значит что-то выбрать. Чтобы акт выбора состоялся, эти альтернативы необходимо сопоставить с критериями, то есть с желаниями и, в конечном счете, с ценностями. Ценности задаются обществом, но в ситуации выбора работают как *собственные* установки индивида. Иногда эти установки сталкиваются. Тогда порядок приоритета приходится обосновывать. Действия Ассанжа и его информаторов, Толоконниковой или Сноудена – последние яркие примеры того, как жизнь вынуждает человека задуматься над иерархией своих жизненных приоритетов. Причем для этого вовсе не обязательно вступать в конфликт с государственными институтами. Подобная коллизия может возникать на самом повседневном обыденном уровне. Она возникает просто потому, что мы – люди.

Обоснование шире объяснения. Оно не является чисто эпистемической процедурой. Когда разум бессилен, доводы ищутся в традиции или авторитете. Понятно отсюда, что типы мировоззрений могут различаться способами обоснования ценностей.

Хотя мы не коснулись различий в поведенческих программах и допускаемых ими степеней свободы, сказанного достаточно, чтобы подойти к религиозному мировоззрению как внутренне дифференцированной структуре, состоящей из трех блоков или подсистем, каждая из которых обладает своим специфическим соотношением веры и знания.

Информация, попадающая в картину мира, должна быть отображением действительного положения дел. Искусственные упрощения, символизации и метафоры здесь как минимум не приветствуются – уже в силу той роли, которую картина играет при выработке решения. Отсюда высказывания КМ обладают экзистенциальным статусом: они поддаются оценке на истинность. Вместе с тем это знание достаточно обобщенное: оно концентрирует опыт поколений, а он может содержать то, что в непосредственных, так называемых персептивных убеждениях, не выражено. Соответственно внутри картины мира вера и знание могут вступать в связи двоякого рода.

Во-первых, вера служит фундаментом знания, ибо проверять на достоверность опыт всех предшественников невозможно. Это обстоятельство – не тайна за семью печатями, и клерикально настроенные авторы обычно не лишают себя удовольствия его подчеркнуть. Так Джон Генри Ньюман, богослов XIX века и, вообще говоря, большая умница, в своем «Опыте в защиту грамматики согласия» в противовес Локку доказывает, что принятие чего-то на веру само по себе может быть вполне рациональным действом. Мы, замечает Ньюман, говорим, что Великобритания – это остров. Но все ли, кто признают это утверждение за истину, объехали страну по всему побережью? Или хотя бы встретились с человеком, который сделал это?

И здесь Ньюман прав: в данном случае вера и знание действительно «не соперники и не враги».

Нужда в вере возникает вследствие ограниченности объясняющей теории. Аристотелевская идея перводвигателя согласовывалась как с идеей творения, так и с классической механикой, где движение отождествлялось с перемещением, а природа гравитации оставалась за бортом объ-

яснения. Ньютон был склонен трактовать силы как проявления высшего духовного начала. Такое толкование придавало механике завершенность и непротиворечивость. По эпистемической сути ньютонианство было продолжением томистской линии.

Во втором варианте вера является производной от знания. Принимая что-то на веру, мы склонны полагать, что принимаемые сведения вообще-то кем-то были найдены, проверены и введены в статус фактов. В этом случае мостиком между верой и знанием становится понимание. По словам Абеляра, его ученики настаивали, «что нельзя уверовать в то, чего ты предварительно не понял, и что смешны проповеди о том, чего ни проповедник, ни его слушатели не могут постигнуть разумом» [1, с. 797]. «Богословию, – заявляет Джон Палкинхорн, один из альбатросов новейшего эволюционного креационизма, – стоит прислушаться к мнению науки об истории Вселенной и решить, каким образом оно соотносится с религиозным верованием в то, что мир есть Божье творение» [3]. Смысл замечания тут тот же самый, что у Абеляра: богословие должно учесть концепцию Большого взрыва, согласованность физических констант и ряда других фундаментальных же параметров природного бытия. «Подход к вопросу чудес в диалоге между наукой и религией должен быть сходным: нельзя подразумевать невозможность чудес априори, но, прежде чем принять их на веру, необходимо предоставить адекватное обоснование» [3].

Пока оба варианта признают истину высшей ценностью, их отношения воспроизводятся по принципу маятника. И в этих границах религиозная картина мира может согласовываться с развитым интеллектом. Битти приводит немало примеров такого взаимодействия. Предпосылку создает именно трансцендентальный статус бога. Но в религиозной картине есть три идеи в ранге абсолютных предпосылок. Они суть догматы в классическом смысле слова: это существование бога, бессмертие души и посмертное воздаяние.

Основной аргумент Битти, красной нитью проходящий через всю её книгу, следующий: поскольку Бог существует, «Новые атеисты» ошибаются. В ещё большей мере эта безапелляционность относительно существования Творца характерна для прочих теистических критиков нового атеизма. Идеи индивидуального бессмертия и посмертного воздаяния сопрягаются с рядом других, поясняющих статус и особенности этого существования. В истории Сорбонны попытки логического анализа этих связей привели в середине XIII века к чистке профессуры факультета свободных искусств и изгнанию Сигера Брабантского. Королевским путем в обосновании этих догматов до сих пор остается аналогия.

Но чем обусловлен особый статус этих трех идей? Почему принцип гносеологической симметрии в данном случае не работает? Здесь самое время перейти к ценностям.

6. Кода, или Как обосновываются ценности?

Специфическим моментом в выполнении ценностями своей регулятивной функции является независимость признания ценности от способа, которым это признание было достигнуто. Если вы убедили человека отказаться от обычая при затруднениях «принимать на грудь», то безразлично было ли это достигнуто ссылкой на прецедент, авторитет или апелляцией к разумности предлагаемой линии поведения. Кьеркегор, размышляя о нравственной стороне жизни, пишет: «...отец настолько сумел развить во мне чувство долга, что я никогда бы не мог простить себе нарушение его воли» [2, с. 318]. С родителем Кьеркегору повезло. В качестве авторитета могут выступать сверстники, кумиры попкультуры, начальник. Чем больше степень могущества у носителя авторитета и чем он справедливее, тем выше авторитет. Самый правильный авторитет должен быть всемогущим, милосердным и всезнающим.

Вера в такой авторитет помогает быть порядочным в условиях, когда основания порядка далеко-далеко от адресата требования, а непосредственная ситуация толкает его в направлении, прямо противоположном этому требованию. Поэтому Бог есть святое. Но надежда на спасение бессмысленна, если нет личного бессмертия и наша жизнь ограничена лишь тем, что здесь и сейчас. Кажется, у Проханова я прочитал о маленьком сербском монастыре, затерянном в Динарских Альпах. Источник, который поддерживал жизнь обители, был внизу и когда монахи ходили туда за водой, их регулярно отстреливали албанские снайперы. Когда изумленный корреспондент спросил, почему они не пытаются каким-то образом защититься, один из монахов ответил, что такова воля божья. Без убежденности в реальном существовании «творца земного и небесного» такое поведение было бы совершенно иррациональным.

Ближайшим образом религиозная вера

легитимирует самое себя; ведь без идеи бога она лишается легитимирующей силы. Затем вера берет под свою опеку межличностные отношения тех, кто признает её авторитет и потому заслуживает уважения и поддержки. Тем самым вера не только создает новую общность, но и входит в пространство отношений с другими группами. Постепенно базисная догматика аккумулирует вокруг себя опыт прошлых и нынешних поколений и по мере его внутреннего согласования создает идеальный образ вечного божественного порядка. Так возникает новое мировоззрение, новая идеология.

Отметим два момента нынешнего религиозного ревайвализма. Первый связан со сдвигами в проблемном поле науки, и он поддерживает религиозность отдельных представителей естественных наук. В современном мире рухнул образ науки как Башни из Слоновой Кости, обитатели которой заняты исключительно поисками новых истин. Битти доказывает, что «Новые атеисты» также неверно используют Дарвина и эволюционную биологию, как и христианские фундаменталисты Библию. Сегодня «наше желание двигаться вперед содержит в себе явную опасность обогнать нашу способность предвидеть этические последствия этого продвижения», – говорит Битти. И в этом она опять права. Но в пристежке к этой верной идее далее идёт спорный тезис. «Некоторые ученые воспринимают религию только как тормоз (brake), останавливающий их стремление делать новые вещи». Однако после множества бедствий, принесенных учеными, от талидомида и ядерного оружия до коровьей энцефалопатии и похищения органов умерших младенцев, имеется достаточно оснований полагать, что «у ученых есть проблемы с соблюдением границ» [7, pp. 72–74].

Битти, правда, можно было бы возразить, что не ученые определяют пути практического применения своих открытий. Проблема, однако, в том, что с переходом к освоению *человекоразмерных* объектов идеалы объективности и новизны вступают в контакт с ценностями моральными уже на стадии поиска. Но это момент специфический: он обусловлен сциентистскими традициями университетского образования в англоязычных странах.

Второй момент – более широкой социальной природы – состоит в способности религии объединять отчужденные и маргинальные слои, независимо от их национальной и социальной принадлежности, против государственной монополии на применение насилия. Если величина активов, контролируемых пятью богатейшими семействами Земли, оказывается сопоставимой с тем, чем владеет половина населения земного шара, то рациональные доводы в пользу такого положения дел отыскать трудно. А вот иррациональные основания для признания его не соответствующим «закону божьему» отыскать легко – и будут они тем более убедительны, что 250 миллионов из этих нищих и обездоленных не умеют читать и писать и, значит, как показал ещё А.Р. Лурия, живут в мире представлений. К тому же они не имеют адекватных – *светских* – форм осознания своей общей идентичности и организации коллективных действий.

Поэтому всплеск религиозности и моды на религиозность в нынешнем мире есть выражение дефицита не столько просвещения, сколько справедливости. Справедливость не есть равенство. Справедливость – это оправданное неравенство. И если мы – земляне – не в состоянии переустроить наши отношения к большей справедливости, то надо учиться сосуществовать с религиозным сознанием. С этим, пожалуй, и связано рациональное зерно позиции как Битти, так и митрополита Иллариона, который усматривает одну из задач своей новооткрытой кафедры в устранении религиозного невежества. К этому лишь добавлю, что успех «альфа курса» в немалой степени обусловлен его фокусированностью на моральных аспектах человеческих отношений.

Практика светского государства, предполагая демонстрацию рациональности атеизма, требует некоторой осторожности в отношении к верующим. Ибо человек, убежденный в буквальной истинности книги Бытия, вкладывает в слова «Я верю в Бога» иной смысл, нежели другие люди. Эти слова выражают его кредо, а вовсе не гипотезу, что Бог есть причина Большого взрыва и источник жизни на Земле. Это убеждение не поддается верификации или фальсификации. Контроверзы по поводу дарвиновского учения вырастают из убеждения, что дарвинизм находится в прямом противостоянии с верой в то, что бог – творец жизни. Другими словами, демократический контакт верующего и неверующего здесь невозможен. Поэтому я думаю, что введение подобной полемики в школу – не самый разумный шаг в области образования.

1. Абеляр, П. История моих бедствий / Цит. по: Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. М.: Мысль, 1969.

2. Кьеркегор, С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // Наслаждение и долг. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
3. Палкинхорн, Дж. Дебаты науки и религии. Введение. Первая фарадеевская статья [Электронный ресурс] // Выставлена на сайте института в марте 2011. URL: http://www.faraday-institute.org.
4. Харрис, С. Конец веры: религия, террор и будущее разума. М.: Эксмо, 2011.
5. Худиев, С. Новые атеисты: кто они и за что нам их благодарить // Фома, N 4 (108). Апрель 2012. Журнал «Фома» не является официальным органом церкви, но один из его основателей возглавляет Синодальный информационный отдел РПЦ.
6. Alexander, D.R. & Numbers R.L. (eds.) Biology and Ideology – from Descartes to Dawkins. Chicago: Chicago University Press, 2010.
7. Beattie, T. The New Atheists: the Twilight of Reason and the War on Religion. N.Y.: Orbis Books, 2008.
8. Crean, T. God is No Delusion: A refutation of Richard Dawkins. N.Y.: Ignatius Press, 2007.
9. Vallely, P. Religion versus science: can the devide between God and rationality be reconciled? [Электронный ресурс] // The Independent. Saturday, 11 October 2009. URL: http://www.independent.co.uk/news/science/religion-vs-science-can-the-divide-between-god-and-rationality-be-reconciled-955321.html.

References

1. Abelyar P. (1969) Istoriya moikh bedstviy [History of my calamities] / Tsit. po: Antologiya mirovoy filosofii. T. 1. CH. 2. M.: Mysl' [in Rus].
2. K'yerkegor S. (1998) Garmonicheskoye razvitiye v chelovecheskoy lichnosti esteticheskikh i eticheskikh nachal [Harmonic development of aesthetic and ethical principles of human personality] // Naslazhdeniye i dolg. Rostov n/D.: Feniks [in Rus].
3. Palkinkhorn Dzh. Debaty nauki i religii. Vvedeniye. Pervaya faradeyevskaya stat'ya [The debate between science and religion. Introduction. Faraday first paper] // Vystavlena na sayte instituta v marte 2011. Available at: http://www.faraday-institute.org [in Rus].
4. Kharris S. (2011) Konets very: religiya, terror i budushcheye razuma [The End of Faith: Religion, Terror and the Future of Reason]. M.: Eksmo [in Rus].
5. Khudiyev S. Novyye ateisty: Kto oni i za chto nam ikh blagodarit' [New Atheists: Who are they and what we thank them for] // *Foma*, N 4 (108). Aprel' 2012. Zhurnal «Foma» ne yavlyayetsya ofitsial'nym organom tserkvi, no odin iz yego osnovateley vozglavlyayet Sinodal'nyy informatsionnyy otdel RPTS [in Rus].
6. Alexander D.R. & Numbers R.L. (eds.) (2010) Biology and Ideology – from Descartes to Dawkins. Chicago: Chicago University Press [in Eng].
7. Beattie T. (2008) The New Atheists: the Twilight of Reason and the War on Religion . N.Y.: Orbis Books [in Eng].
8. Crean T. (2007) God is No Delusion: A refutation of Richard Dawkins. N.Y.: Ignatius Press [in Eng].
9. Vallely P. Religion versus science: can the devide between God and rationality be reconciled? // *The Independent*. Saturday, 11 October 2009. Available at: http://www.independent.co.uk/news/science/religion-vs-science-can-the-divide-between-god-and-rationality-be-reconciled-955321.html [in Eng].

UDC 101.2; 130.2; 211

SHALL WE STUDY CREATIONISM, OR SOME REMARKS ON THE WESTERN EXPERIENCE Part II

Shreyber Viktor Konstantinovich,
Chelyabinsk State University,
Associate Professor
of the Department Chair of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: shreiber@csu.ru

Annotation
This part is opened with a discussion of the debate between the «New Atheists» and zealots of the evolutionary creationism particularly entrenched at Faraday Institute for science and religion. The further investigation brings to a conclusion about narrow-mindedness of the opinion that there is no controversy between religion and science. Nevertheless, the religious views demonstrate a lofty degree of vitality. The search into reasons of things being as they are leads analysis into the worldview structure and, – above all, – to causal relationship between authoritative justification of values and the core assumptions of the religious world picture. As far as this dependence removes controversy beyond the discussion on truth-value of creationism, the innovation offered seems to be unreasonable.

Key concepts:
«New atheists»,
creationism,
a worldview,
values,
an authority.